

УДК 811. 161.1'367

ТЕКСТОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫХ СТРУКТУР В НОВОЙ ПРОЗЕ В.С. МАКАНИНА

© 2012 О.В. Арязмова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2011 г.

Аннотация: Целью данного исследования является описание особенностей текстовой интерференции композиционно-речевых структур романов Владимира Маканина «Асан» и «Две сестры и Кандинский». Прослеживается отражение определенных текстовых приёмов, которые способствуют размыванию границ между формами внешней и внутренней речи.

Ключевые слова: текст, композиционно-речевые структуры, текстовая интерференция, несобственно-прямая речь, несобственно-авторское повествование, внешняя речь, внутренняя речь.

Abstract: The aim of the study is to describe the characteristics of the composition speech structures of the novel «Asan» and «The two sisters and Candinsky» by V.S. Makanin. It deals with reflection of certain dynamic processes, which blur the boundaries between forms of external and internal (inner) speech.

Key words: the text, composition speech structures, contamination of speech forms, quazi-direct speech, the author's quazi-narrative, external speech, internal (inner) speech.

В новой русской прозе «рубежа веков», а затем и на всём протяжении так называемых «нулевых» годов XXI века наблюдается последовательное расширение «зоны влияния» несобственно-прямой речи на семантическое пространство художественного текста. Использование форм несобственно-прямой речи как особого стилистического средства и одновременно грамматического приёма во многом определяет композиционно-речевую, лексико-грамматическую и синтаксическую организацию текстов, что ведёт к существенным изменениям в оформлении «чужого слова».

На наш взгляд, интенсивное использование несобственно-прямой речи в художественных текстах, созданных в начале XXI века, свидетельствует о том, что данная композиционно-речевая структура является своеобразным актуализатором динамических процессов, происходящих в языке художественной русской прозы.

Приведём фрагменты из романов В.С. Маканина «Асан» (2008) и «Две сестры и Кандинский» (2011), свидетельствующие о том, что в этих произведениях получают художественное отражение самые разнообразные активные языковые процессы, в центре которых оказывается взаимодействие различных композиционно-речевых структур, и в результате наблюдается явление текстовой интерференции.

1) Авторская речь может интерферировать (взаимодействовать) с несобственно-прямой

речью, формами внутренней речи (внутреннее реплицирование, внутренний монолог или диалог), прямой и косвенной речью. Например:

Лет сорок. Умер, а черты лица не разгладись... Усатый, хмурый. Мать учила когда-то этого угрюмца ходить, держать ложку. Улыбаться... Одевала мальчика, чтоб не простыл. Лет в тринадцать-четырнадцать стало, конечно, заметно, что он ненормален. Ах, ах! — сочувствовали матери. Ах, она бедняга!.. Сожалели, а может быть, над ним потешались... А может быть, как раз отгоняли от него насмешников. Но уже не удивлялись его странностям. И сегодня не удивились.

Ничуть ведь не удивились, когда он попал под русскую пулю. Пока шиз живет, у многих возникают эти тоскливые вопросики... Зачем он живет вообще — зачем мать учила его ходить? Зачем одевала в холод?.. Еще и читать шиза научили, зачем?..

Зато смерть шиза никого не удивляет. Гибель его всем кажется закономерной. Для такого, мол, конец вполне нормальный... Не спросят, сколько ему лет... Смерть видится некоей молчаливой правдой. Восстановлением справедливости в природе... Даже не ахнут. Мол, так получилось. Обвал горы или русская пуля... или просто шиз попал под машину... никто не спросит — никаких «зачем?» («Асан»).

В романе «Две сестры и Кандинский» авторское повествование от 3-го лица легко взаимодействует с несобственно-прямой речью, передающей точку зрения персонажа, создавая тем самым своеобразную «размытость» повествовательных структур:

© О.В. Арязмова, 2012

Телефонная связь восстанавливается не сразу. Повесив трубку, Ольга ждет звонка и маячит по студии... Почему бы ей поутру и не походить туда-сюда в знакомых пределах?.. Свои стены.

Студия – большое полуподвальное помещение в недрах обычного девятиэтажного дома. Когда-то из этого полуподвала выглядывала пригретая площадка для показов опальных художников. Теплое теневое местечко. И заодно – тусовка для всякого рода инакомыслящих. Известное, но не слишком скандальное было место.

Однако сейчас уже начало девяностых, и в духе перестроечного времени здесь проросла К-студия, или просто – студия «КАНДИНСКИЙ», где вполне легально пропагандируется живопись знаменитого авангардиста. И так получилось, что безумным краскам Кандинского здесь в кайф. Уют признания! Наконец-то!.. Голодноватый, полуподвальный, но заслуженный честный покой.

Репродукции, а также кричаще-яркие дешевенькие картинки-копии, конечно, на многое не претендуют. Однако картинка эти на удивление миролюбиво срослись с новообретенной жизнью. И ни безденежье, ни подползающий к Москве голод не заставят Ольгу менять репродукции на бронезилеты. Да и к сахару, что предлагают полумешками, она не заторопится.

Она, Ольга Тульцева, критик, искусствовед, ведет эту студию («Две сестры и Кандинский»).

2) В рамках текстового фрагмента композиционно-речевые структуры текста могут дистантно объединяться на основе так называемого «приёма “монтажа”» (В.В. Одинцов, А.И. Горшков, Г.Д. Ахметова) или так называемого «монтажного переключения внимания» с одного субъектно-речевого плана на другой:

Гудки. Опять прервали!

– Воздержавшиеся не делают ошибок, – многозначительно повторяет сама себе Ольга.

Счастливы эти воздержавшиеся!.. Смышленная сестренка Инна предупредила... Но... Артем интересный мужчина. Умен, – вновь одобряет себя и свой приисканный выбор Ольга. Женщине необходимо самоодобрение. Необходима надежная, устойчивая утренняя мысль... Артем Константа, он же Сигаев Артем Константинович, выбранный недавно в Московскую думу, популярен, харизматичен... Набирает новую высоту.

Но... В наше перестроечное время люди, спешащие во власть, взлетают и падают. Это пугает. Как подстреленные. Валяются с небес. Вместе с харизматичными своими именами... Отец – с привкусом диссидентской желчи рассказывал и смеялся – как быстро рухнувший политик теряет лицо... теряет здоровую психику... звучный голос... теряет друзей... жену...

Но... Артем смел, свободомыслен. Орел на взлете...

Телефон ожил. Инна! («Две сестры и Кандинский»).

3) Различные композиционно-речевые структуры текста могут интенсифицироваться посредством устойчивого (повторяющегося) художественного образа. Например, в романе «Асан» активно используется повторяющийся образ *копейка*, с помощью которого последовательно сравнивается жизнь новобранцев (*ищут последнюю потерянную копейку*):

Особенно на ближний... Солдаты там словно барахтались на дне кузова. Этакое полусогнутые... Пьянь... Только один и стоял на ногах. Здоровяк... Как только кто-то из барахтавшихся поднимался в рост, здоровяк ударом кулака сваливал его опять вниз, на дно кузова. Туда, где все... Они там ползали и гудели... Что-то пьяно выкрикивали... Казалось, в опилках они роются, ищут. Ползают там и ищут последнюю потерянную копейку. Каждый свою.

Этой копейкой была сейчас их жизнь.

– Там, Сашик, товар, – сказал полевой, но уже без улыбки.

Глаза его сузились. Начинался торг. И полевой командир сразу, с разбега, назвал цену этих солдатских жизней-копеек – пять кусков. Ого!.. Три ноля. Полевой даже написал, начертал рукой в воздухе эти три ноля вслед за пятеркой. 5000. Зелеными... Я только улыбнулся – нет, дорогой, я не спорю. Но я хотел бы посчитать поточнее... Где есть реальный товар, там есть реальная цена («Асан»).

В романе «Две сестры и Кандинский» таким повторяющимся образом становится слово «пейзажик»:

Артем в постели – он, кажется, уже в другом, но тоже тревожном сне. Он уже не пересчитывает голосовавших. Вдруг бормочет:

– Пейзажик. Пейзажик...

Ольга успокаивает – подседа к спящему, зажав плечом телефонную трубку.

Но Артем не унимается:

– Лошадка. Почему избушка так покосилась?.. Больше! Больше ярких деревенских красок. Какая серость!..

Спящий, он задышал ровней. Но тут же опять заработала его что-то ищущая, роющая память:

– Пейзажик... Совсем небольшой... Снег, снег.

Много снега! И лошадка вся... вся в снегу...

Инна тоже слышит выкрики и зовет по телефону:

– Оля! Оля!.. Это он опять? Во сне?

– Да. Лепечет что-то... Не знаю, как понять!

Вчера он так пылко говорил про абстрактную живопись. Про гений Кандинского. А сегодня в голове у него застрял какой-то вылизанный кич! зимняя картинка! Еще и с лошадью, запряженной в сани...

– Народный вкус. Он и во сне завоевывает толпу.

— Тебе смешно... Да, я искусствовед. Да, популяризатор. Но ты же знаешь, — со страстью продолжает Ольга. — Кандинский — это моя жизнь. Это мое всё. Кандинский! — вот где философия линии, вот где буйство красок, неистовство, интеллект...

Спящий Артем, перебивая, выкрикивает:

— *Пейзажик!* («Две сестры и Кандинский»).

4) На фоне рефлексивного сознания субъекта речи/персонажа интерференция композиционно-речевых структур может высвечивать так называемую «условность грамматического лица» [Г.Д. Ахметова 2008: 71]. Подобный повествовательный приём Т.Г. Кучина определяет как «диффузию нарративных структур» [Кучина 2009: 205].

Нами обнаружено, что, развивая технику несобственно-прямой речи, В.С. Маканин активно использует условность грамматического лица в новом романе «Две сестры и Кандинский» (2011). При этом несобственно-прямая речь особенно ярко употребляется на фоне конструкций экспрессивного синтаксиса — преобладает парцелляция, доминируют восклицательные предложения, активно используется лексический и синтаксический повтор. Особую значимость приобретают скобки, которые, несомненно, характеризуют индивидуально-авторскую манеру В.С. Маканина:

Одна женщина (это я!), которая каждую минуту начеку, — недоверчивая и отчасти даже озлеенная (предыдущими промахами по жизни). Настороженно следящая за каждым жестом и шагом мужчины... этого непредсказуемого существа. Враждебна женщине в начале совместного пути едва ли не всякий... Даже самый обмякший и интеллигентный... Даже самый-рассамый тупой добряк!

А вторая?

Вторая женщина (это ведь тоже я!) старается совпасть, слиться, срастись с мужчиной. И прежде всего — научиться болеть ему в отзвук! Болеть его болью... Женщина как вмонтированное болевое эхо. Вот и всё! Вот залог успеха... Мне больно, когда больно тебе (тебе в тексте выделено курсивом/ — О.В. Арзямова) («Две сестры и Кандинский»).

5) В романе «Две сестры и Кандинский» В.С. Маканин совмещает драматические ремарки (*Ольга возле постели, где спящий Артём. <...> Звучит мужской голос, баритон...*) с конструкциями несобственно-прямой речи и внутренней речи

(*И почему не погадать по врачующему нас Кандинскому?.. Кандинский никогда не ранит. <...> И как же не поверить, что нас слышат. Как не поверить, что где-то живет ответное слово, которое нам и которое впад... Где-то же еще удастся попасть в дразнящую нас цель!*), контекстуально осложняя эти композиционно-речевые структуры своеобразной цитатной «графической маркировкой текста». С этой целью активно используются различные параграфические элементы: курсив, разрядка, отбивка, шрифты:

Ольга возле постели, где спящий Артем.

Слабый свет ночника объемно освещает всё вокруг — вот он Артем, а рядом вот он сочный и прозрачный мир абстрактного искусства. Уже давно ставший ей родным.

<...>

Звучит мужской голос, баритон... Зачитывает одну из схваченных сентенций любимого Ольгой художника.

«ОСОБЫЙ МИР ОСТАВШИХСЯ НА ПАЛИТРЕ КРАСОК... БЛУЖДАЮЩИХ НА...»

И с паузой:

«...НА ЕЩЕ НЕ ГОТОВЫХ ХОЛСТАХ» («Две сестры и Кандинский»).

Таким образом, в интенсификации приёма текстовой интерференции обнаруживаются определённые тенденции, происходящие в различных композиционно-речевых структурах текста, которые, в свою очередь, непосредственно отражаются в синтаксисе русской прозы начала XXI века. Как правило, разнообразные композиционно-речевые структуры актуализируются посредством конструкций экспрессивного/разговорного синтаксиса, тем самым создавая сложную несобственно-авторскую полифонию «голосов».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахметова Г.Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.) / Г.Д. Ахметова. — Новосибирск : Наука, 2008. — 168 с.
2. Кучина Т.Г. Диффузия нарративных форм в прозе Владимира Маканина (на примере романа «Асан») / Т.Г. Кучина. — Ярославский педагогический вестник. — № 4. — 2009 (61). — С. 205–208.
3. Маканин В.С. Асан / Владимир Маканин. — М. : Эксмо, 2008. — 480 с.
4. Маканин В.С. Две сестры и Кандинский. / Владимир Маканин. — М. : Эксмо, 2011. — 320 с.

Арзямова О. В.

Воронежский государственный педагогический университет, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы, к.ф.н.
E-mail: arzyamovuy@yandex.ru

Arzyamova O.V.

Voronezh State Pedagogical University. Candidate of Philology (PhD), Associated professor of the chair of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature.